

1. Тюркизмы с разными истоками.

1. 1. *Алангасар*

Удм. *alangasar* 'мифический великан'¹ встречается, кажется, только у Г. Н. Потанина в легенде о происхождении людей и средневековых городищ, записанной в с. Верхний Утчан совр. Алнашского р-на Удмуртии [Потанин 1884: 191–192] (и в словаре Б. Мункачи это слово дано со ссылкой только на Г. Н. Потанина [Munkácsi 1896: 23]). Даже по данным Г. Н. Потанина, жители других деревень бассейна р. Варзи, видимо, не знали этого слова, называя мифических создателей средневековых городищ *nugoј* (← тюрк. *noğaj* 'ногайцы') или *kurok* (букв. 'разбойник' ← булг.: чув. *çoraç* 'тж' [Wichmann 1903: 84] или из тат. *qaraq* 'тж'), а в записанной в 1936 г. в Верхнем Утчане аналогичной легенде гиганты-строители городища Карйыл гурезь [Ватка но Калмез: 17–18] названы уже *asaba* (← тат. *asaba* 'владелец наследства; старейший и самый уважаемый в роду, в деревне' ← араб. *عصبي* [*ʕaṣabi*] 'родственник по мужской линии' [Алатырев 1988: 124]). Эти обстоятельства заставляют видеть в *alangasar* 'мифический великан' типичный *hарах*, обаянный, вполне вероятно, какой-то случайности, а не сколько-нибудь широко распространенное слово удмуртского языка.

С другой стороны, в словаре Ю. Вихманна зафиксировано удм. (малм.-урж.) *alaŋasar* 'ленивый, глупый, невнимательный' [Wichmann 1987: 5], которое является заимствованием из кыпчакских языков: башк. *älängäsär* 'невнимательный, суетливый', ст.-тат. *alayyasar* 'нерешительный' и др. [Ахметьянов 1981: 15]. Это тюркское слово было предложено рассматривать как композит из тюрк. (кыпчак.) **alay* 'удивленный, сомневающийся' и **äsär* 'тупой, ленивый' [Напольских 1997: 116–117].

Р. Г. Ахметьянов приводит в связи с данным словом и личные имена легендарных героев и правителей: ст.-тат. *Alaŋqasar-alif* 'халиф Аланкасар', тат. *Alayyasar Alman-bi* 'князь Алангасар Алман – сборщик налогов', казах. *Alaŋqasar-alpar* 'богатырь Аланкасар', караим. *Alaŋqasar* 'имя сказочного храбреца' [Ахметьянов 1981: 15]. Большинство приводимых у Р. Г. Ахметьянова имен, видимо, происходят из эпических текстов, так, *Alayyasar Alman-bi* – персонаж татарской версии эпоса об Идегее, несколько раз упоминаемый там в ряду других беев Тохтамыш-хана [ИД, VIII–XI]. По всей вероятности, такое имя носил реальный исторический персонаж, поскольку он присутствует и в других версиях этого эпоса, например, в недавно изданной каракалпакской версии эпоса об Эдиге о главном бее Тохтамыш-хана говорится: *bahadyr sajuby yuryju | Alayyasar Bajnazar | batyr edi yällayar* 'богатырь-воевода | Алангасар Байназар, | героем был он, мошенник'; именно Алангасару Байназару поручает Тохтамыш убить Эдиге, но тот отказывается, говоря, что Эдиге достиг возраста джигита, четырнадцати лет, и убить его он, Байна-

¹ Здесь развивается и дополняется этимология, предложенная ранее в [Напольских 1997].

зар, уже не сможет [Edige: 179, 189, 284, 296]. Таким образом, можно говорить о существовании у кыпчаков по крайней мере с конца XIV в. личного имени или прозвища *Алангасар*.

Примерно тем же временем датируется и первая фиксация предания о великане-*алангасаре* в кыпчакской среде. В записках прошедшего более 30 лет в конце XIV – начале XV вв. в плену и на службе в Золотой Орде немецкого рыцаря Иоганна Шильтбергера сообщается: “был когда-то великан, который на языке язычников (обычное обозначение мусульман у Шильтбергера, в данном случае – специально золотоордынских тюрков-кыпчаков) звался Алангасар (*Allankassar*), и это был очень высокий и большой человек. Он жил в египетском городе Миср, который христианами называется Каир и является столицей короля Султана. Как-то раз этот великан в один день принес для каждой из двенадцати тысяч хлебных печей города по вязанке дров, так что их хватило для того, чтоб протопить все эти двенадцать тысяч печей. И каждый пекарь дал ему от своей печи по хлебу в награду – и он, таким образом, съел в один день двенадцать тысяч хлебов. Берцовая кость того самого великана лежит в Аравии между двумя горами, над глубоким скалистым ущельем. В том ущелье течет река, но так глубоко, что ее не видно, а только слышен шум воды. И в этом вот ущелье положена берцовая кость великана в качестве моста. Всякий путешествующий там, верхом или пешком, проходит по этой кости” [Schiltberger 2000: 120]. Египетская локализация предания однозначно свидетельствует о его кыпчакском происхождении: в этот период в Египте правили мамлюки (Мамлюкский Каирский Султанат), большая часть которых происходила из золотоордынских кыпчаков.

Таким образом, удм. *alangasar* ‘мифический великан’ является, видимо, очень локальным поздним южноудмуртским заимствованием из татарского языка. Данное слово, по всей вероятности, возникло в языке золотоордынских кыпчаков как композит из **alay* ‘удивленный, сомневающийся’ и **āsār* ‘тупой, ленивый’ не позднее конца XIV в., во-первых, для обозначения мифического глуповатого великана, во-вторых – в качестве прозвища или имени (возможно, типичное имя-оберег, даваемое ребенку для того, чтобы на него не позарились злые силы). Следовательно предположение Г. Н. Потанина [Потанин 1884: 192], воспроизведенное Ю. Вихманном [Wichmann 1987: 5] и известное в работах некоторых современных авторов, о том, что в этом слове отражены этнонимы *алан* и *хазар* и имевший в прошлом контакт предков удмуртов с этими народами, не имеет никаких оснований.

1.2. *Албасты*

Удм. *albastj* – название злого длинноволосого духа, живущего на периферии освоенного человеком пространства, портящего скот, душащего во сне людей, похищающего младенцев ← тат. *albastā* ‘тж’ [Csúcs 1990: 100–101]. Татарское происхождение удмуртского слова не вызывает сомнений, интерес представляет установление его конечного источника. Прежде всего следует иметь в виду, что рассматриваемый термин имеет очень широкое распространение (нижеследующая сводка составлена по [Dörfer TME II: 109–111; VEWT: 14; Стеблин-Каменский 1999: 80–81]).

Это слово в значении, близком к удмуртскому, широко представлено в тюркских языках, где имеет в основном форму *albasty*, отклоняющиеся от нее: карач. *almasty*, карак. *albasly*, туркм. *ālbassy*, чув. *alpas, alpasta* (← тат. [Федотов I: 35–36]), ново-уйг. *al-baskan* 'ночной дух' (явное переосмысление имени в духе народной этимологии). Не совсем ясно, следует ли сюда отнести якут. *abāsy* 'зло, злые духи' (→ эвенк. *abasī*, эвен. *abahī*). Якут. *albas* 'волшебство, чары', телеут. *almys* 'злые духи', сойот. *albys* 'тж' являются, по-видимому, заимствованиями из монг. *almas* 'ведьма, черт', едва ли имеющего отношение к тюрк. *albasty*; с другой стороны, монг. *albin* 'ночной демон женского пола' семантически сходно с *albasty*, а *-in* может рассматриваться как монгольский суффикс. Из тюркского (татарского ?) заимствовано рус. *албаста, лобаста* 'водяной или домашний дух в виде длинноволосой женщины', из татарского или чувашского – мар. *albasta*, при этом мар. (Г) *laβasta* скорее происходит от рус. *лобаста*.

С тюркскими словами совпадают и обычно рассматриваются как тюркизмы перс. *البستی* [*albastī*] 'страшный призрак, ведьма, колдунья', тадж. *albasti* 'тж'. Сложнее со словами памирских языков: сангл., шугн., вахан., ишкаш. *almasti, almaste*, руш., хуф. *alamasti* – название злого демона в виде уродливой длинноволосой женщины с огненными глазами и отвислыми грудями, опасной для рожениц и младенцев, живущей в воде, появляющейся в виде змеи, боящейся огня, собак, коз, лошадей (см. подборку рассказов об *алмасты* [СЛПГТ: 199–200]). Во-первых, если рассматривать их как заимствования из тюркского через таджикский, то не очень понятно *m* вместо *tyu*. и тадж. *b* (такая замена в принципе возможна, но непонятно полное господство форм с *m*); оригинальны формы с *ala-*, для возникновения которых специальных оснований в памирских языках как будто нет. Во-вторых, не очень ясны культурно-исторические причины столь широкого распространения и развития тюркского демонического персонажа в памирских языках (отметим еще интересную связь образа со змеей – см. ниже). Наконец, особый интерес представляют данные дардских языков: хковар *halmasti* – название демона, особо опасного для новорожденных и непогребенных покойников; жадная небесная собака красного цвета с длинными ногами [Йеттмар 1986: 460–461] – здесь значение слова сильно отлично от тюркского, и причины распространения термина еще более непонятны (особого внимания заслуживает связь с собакой и красным цветом – см. ниже).

Предлагались различные этимологии этого слова. Приводимая в [VEWT: 14], а вслед за М. Рясняном – и во многих других работах [Алатырев 1988: 78; Csúcs 1990: 101] этимология от тюрк. **al basty* букв. 'красный (злой дух) задалвил' представляет собой типичную народную этимологию. Вызывает определенные сомнения сама возможность субстантивации такого словосочетания (существуют такие конструкции в личных именах, но в демонологии –?). Кроме того, из приведенного выше материала ясно, что в тюркских языках данное слово подвергалось разнообразным попыткам переосмысления, что едва ли возможно в случае со столь прозрачной этимологией. Интересна поправка к этой этимологии, выводящая первый компонент слова из иран. **āl(a)*

'красный (дух болезни)' (перс. آل [āl] 'демон, губящий рожениц и младенцев'; название связано, возможно, с распространенным именованьем детских болезней по цвету, типа *краснуха*, *скарлатина* ← итал. *scarlatto* 'темно-красный' и т. п. – см. этимологию [ЭСИЯ I: 309] – замечу еще, что в связи с праиндоевропейским происхождением иранского слова тюрк. *al* 'алый' в любом случае следует, видимо, рассматривать как иранизм) + тюрк. *basty* [Dörfer II: 111; Стеблин-Каменский 1999: 81]. Ниже мы вернемся к этой поправке.

Совершенно надумана этимология от тюрк. **alp basty* 'богатырь задавил' [Федотов I: 36]: во-первых, такая форма не представлена ни в одном тюркском языке, во-вторых, тюрк. *alp* 'герой, богатырь, витязь' едва ли применимо к злему демоническому существу женского пола. Другая вариация на ту же тему – от тюрк. **alp* 'трудность, испытание, опасность' и **basty* 'задавил' (в связи также с семантикой предполагаемых производных от **alp*: алт. (куу-кижи) *albyr*, телеут. *almur* 'сходить с ума, беситься') [Dörfer II: 109] – также ничем не лучше, и представляет собой того же рода этимологию ad hoc. С фонетическими трудностями встречается старое объяснение через форму типа **alamaste* от имени зороастрийского бога *Ahura-Mazda* (цит. по [Dörfer II: 109–110]); кроме того, хотя переход значения '(старый, чужой) бог' > 'демон' является обычным, особенности образа *албасты* (женский пол, опасность для детей и рожениц и т. п.) не имеют никакой связи с Ахура Маздой.

Самое же главное обстоятельство состоит в том, что в названных выше версиях исследователями игнорируется древнейшая фиксация интересующего нас персонажа в Междуречье с конца II тыс. до н. э.: аккад. *lamaštu* – имя демона женского пола, вызывающего родовую горячку, мертворождения и смерть и болезни младенцев. *Ламашту* изображали в виде волосатой женщины с львиной головой и ослиными зубами, с длинными когтями и отвислой грудью, которой она кормит собаку и свинью, держащей в руках двуглавых змей (см. рис.) [Keel 1972: 68–72; Фоссе 2001: 85] (см. также комментарии ассириолога на <http://www.gerodot.ru/viewtopic.php?t=12946>). И функции, и иконография аккадской *Ламашту* полностью согласуются с рассмотренными здесь демоническими персонажами тюркских, иранских и др. традиций. Гипотеза о происхождении *Албасты* от *Ламашту* была предложена Г. А. Климовым и Д. И. Эдельман [Климов, Эдельман 1979]. Имя персонажа, естественно, не могло быть заимствовано тюрками непосредственно из аккадского, поэтому превращение *lamaštu* в *almasti* нельзя объяснить тюркской протезой перед анлаутным **l*-. Посредниками между аккадским и тюркскими языками могли быть арамейский и иранские языки. К сожалению, мне не известно, есть ли в арамейской или сирийской демонологии персонаж, носящий такое имя (интересно, однако, что у айсоров имеются представления о демонах женского пола, опасных для беременных женщин, рожениц и младенцев – *шашши* и живущих в хлебах *дешибахты* букв. 'топчущие женщин' [Ассирийцы: 161–164, 218–219]). Можно предположить, что первоначально имело место развитие *lamaštu* > *alamasti* в иранских языках по народной этимологии в силу ассоциации начала слова с иран. **āl(a)* 'красный (дух болезни)' (см. выше – значение 'демон' у перс. *āl*, собственно, может быть результатом

вычленения этого элемента из **almasti*) – откуда и появились формы, фиксируемые в памирских языках. Затем это имя было заимствовано в тюркские языки с обычным тюрк. чередованием *m ~ b*, подверглось в них дальнейшим народно-этимологическим изменениям (прежде всего – в связи с *al basty*, см. выше) и далее тюркская традиция оказала обратное "выравнивающее" влияние в том числе и на иранские (перс., тадж. *albasti* могут рассматриваться уже как поркизмы).

Происхождение аккадской *Ламасту* уходит в еще более глубокую древность: это имя, вероятно, было заимствовано из эламского *lamaššu*. Эламская богиня *Ламассу*, упоминаемая в связи с восстановлением ее разрушенной статуи уже в XII в. до н. э., была покровительницей людей, посылающей благодать, которую цари Элама испрашивали в особом ритуале. У аккадцев богиня их врагов-эламитов стала отвратительным демоном, вызывающим родовую горячку и смерть младенцев, и они помнили о его эламском происхождении: ассирийский царь Ашшурбанапал, завоевав эламскую столицу Сузы в 646 г. до н. э. особо жестоко расправился со статуями *Ламассу* [Хинц 1977: 61–62]. Замечательно еще, что в аккадской традиции существовал и добрый демон *ламассу* [Фоссе 2001: 71–74] – параллельное заимствование из эламского?

1.3. Арафа

Бес. *arafa juon* 'праздник *arafa*' – название первого дня весеннего праздничного цикла *Акаяшка* у бесермян средней и верхней Чепцы. Вечером в этот день процессия жителей с пением специальных песен (*arafa krež*) обходит деревню, стуча дубинками по домам и выкрикивая *arafa med potoz, akajaska med p̄roz!* 'арафа пусть выйдет, Акаяшка пусть войдет!' [Попова 2004: 88–90]. Слово заимствовано из тат. (*γ*)*äräfä* 'канун праздника; в особенности – канун Курбан-Байрама' ← араб. *عرفة* 'гора *Арафат*'; также – на-

звание 9-го дня месяца зуль-хиджа, который паломники в Мекку проводят на горе Арафат перед Днем Жертвоприношения [ГТРАС: 85]. Само по себе заимствование в неадаптированном виде мусульманского термина уже представляет интерес в плане понимания происхождения бесермян, формирования их народной религии и роли в этом процессе ислама. Любопытно в этом смысле, что в обряде безусловно немусульманский бесермянский земледельческий праздник *Акаяшка* (название заимствовано из чувашского [Wichmann 1903: 37–38]) поставлен на место Курбан-Байрама, а мусульманская *Арафа* выступает практически в роли нечистой силы, изгоняемой во многочисленных аналогичных бесермянских и удмуртских обходных обрядах типа *Шайтан ульян*.

1.4. *Арвак*

Бес. *arvāk* – название коллективной обрядовой трапезы женщин и девушек (вошедшие в возраст девушки получали право посещать молодежные игрища и посиделки только после того, как примут участие в этом обряде), проводимой вечером после общественных молений на третий (последний) день весеннего праздничного цикла *Акаяшка*, характерными особенностями которой были недопущение на нее мужчин и проведение ее в полной тишине. Кроме того, у бесермян так назывались и некоторые другие обрядовые трапезы, и выражение *arvāk karon* может обозначать в принципе любой коллективный прием пищи, проходящий в тишине и молчании [Попова 2004: 99]. За пределами бесермянского ареала удм. *arvāk* означает 'жадный, алчный, ненасытный' и является скорее ругательством [УРС: 32]; Т. К. Борисов зафиксировал интересное магическое средство от жадности: нужно сварить суп из обглоданных собакой костей и дать жадному его съесть, такой суп называется *arvāk šīd* [Борисов 1991: 17]. Удмуртский материал, как видим, весьма плохо согласуется с бесермянским.

Удм. *arvāk* и бес. *arvāk* заимствованы из тат. *ärwaḥ* 'духи, души' ← араб. ارواح [*arwāḥ*] 'тж', множ. ч. от روح [*rūḥ*] 'душа' [ГТРАС: 741]. Семантика удм. *arvāk* 'жадный, алчный', по-видимому, связана с представлениями о жадных голодных духах, наилучшим образом отраженными в удм. (пер.-ю.) *ašarbak* 'алчный, жадный' ← тат. *ašarwaq* < *aš ärwaḥ* букв. 'голодные духи', рассмотренном в [Csúcs 1990: 111]. В бесермянской традиции следует предполагать совершенно иное направление развития семантики араб. ارواح [*arwāḥ*], которое обозначает еще и в особенности души умерших, предков, объект поминальных обрядов – здесь опять перед нами свидетельство особой роли ислама в становлении народной религии бесермян. Характерно, что аналогичные бесермянскому обряды под тем же арабским названием бытуют у народов, либо принявших ислам недавно, либо сохранявших в значительной степени реликты доисламской религии, например – у дардских и др. народов Гиндукуша: у калашей во время зимнего и весеннего праздников духов предков *arua* (← араб. *arwāḥ*) приглашают в селение и предлагают им еду, в этих обрядах большую роль играют женщины; аналогичные духи предков *arwah*, охраняющие семьи потомков и требующие жертвоприношений имеются у буришков и шина [Йеттмар 1986: 236, 381].

1.5. *Ашапартна*

Еще один интересный харах: удм. *Ašapartna* встречается, видимо, только в одном тексте заговора-*пелляськона*, записанном Г. Е. Верещагиным у средне-восточных удмуртов: *emjaško-jumjaško Ašapartnalen kiljiz-burjiz* 'лечу-излечиваю наговорными словами *Ашапартны*'. Ни сам Г. Е. Верещагин, ни его информанты не могли пояснить это имя [Верещагин 1889: 37]. В чувашской заговорной традиции имеется персонаж *Ašapatman karčäk* 'старуха *Ажабатман*', имя которой является механическим сложением искаженных *Айша* и *Фатима* – имен младшей жены (араб. عائشه [ʿāiṣa]) и любимой дочери (араб. فاطمه [fāṭima]) пророка Мухаммеда [Ашмарин II: 211]. Удмуртский заговорный персонаж, несомненно, имеет то же происхождение. Интерес представляет странная передача имени *Фатима* в удмуртском – через *-rt-*; осмелюсь предположить, что (если это, конечно, не просто ошибка Г. Е. Верещагина) заимствовавшие это слово удмурты слышали имена *Айша* и *Фатима* от знакомого с арабским языком мусульманина, который, возможно, произнося мусульманский заговор, старательно артикулировал сильное араб. *-f-*, и попытались передать особенности этого звука таким нетривиальным (но теоретически мыслимым) способом.

1.6. *Бабасыр*

Удм. *babasjr*, (пер.-ю.) *babsjr* 'вид глистов (власоглав, острица)' (откуда *babasjr* (*turjn*) название ряда растений, применяемых в народной медицине для лечения желудочно-кишечных заболеваний: 'белена, *Hyoscyamis niger* L.'; 'медунца, *Pulmonaria officinalis* L.'; 'таволга, лабазник; *Filipendula ulmaria* Maxim.'), используется еще как ругательство и встречается в словарях также в значении 'злой дух' [УРС: 36; Csúcs 1990: 116]. Последнее значение впервые представлено в словаре Б. Мункачи, со ссылкой только на материалы Г. Е. Верещагина [Munkácsi 1896: 610], у которого данный мифологический персонаж описывается очень лаконично как дух, который внезапно громко смеется в лесу [Верещагин 1886: 28]. Слово заимствовано из тат. *babasyr* 'глисты, боль в животе, расстройство желудка' ← Arab. بواسير [*bawāsir*] 'геморрой', множ. число от *باسور* [*bāsūr*] 'опухоль, нарост' (в [Ахметьянов 1981: 20–21] дано фантастическое значение удмуртского *babasjr*, в [Csúcs 1990: 116] источник татарского слова почему-то определен как "?"). Специфическое значение слова в языках-источниках позволяет предположить, что в удмуртском основное значение – 'глисты (и вызываемые ими болезни)', откуда – употребление слова в качестве ругательства (ср. современное рус. *геморрой*, польское *cholera* и т. п.). Значение же 'злой дух' является, по всей вероятности, опять-таки харах'ом и появилось, скорее всего, в результате недоразумения: испугавшись внезапного шума в лесу человек мог выругаться, а потребовавший у него объяснения значения слова Г. Е. Верещагин решил, что речь идет об имени некоего духа.

1.7. *Бен / бон*

Удм. (сев., сред.) *ben*, (юж.) *bon* 'да, именно так' < **bōn*. Это загадочное удмуртское междометие, по-видимому, происходит через тюркское посредство с обычным для тюркских языков чередованием *m- ~ b-* из монг. *mön ~*

бурят. *mün* 'так, правильно, справедливо'. В тюркских языках Поволжья и Предуралья данный монголизм мне, правда, обнаружить не удалось, он зафиксирован, кажется, только в сойотском: *mün* 'справедливо, правильно; указанный, тот самый' [VEWT: 347].

2. Иранские и арийские заимствования.

2.1. Герд

Удм. *gerd* 'узел' ~ коми *gered* 'тж' (-*d* ~ -*gd* может рассматриваться как часть старой основы с допермским этимологом типа **kerentz*, переосмысленная как собственно пермский глагольный суффикс) ← вост.-иран. **granθa*- 'узел': хот.-сак. *granthā*, согд. *γr̥nš*, ишкаш. *γureχ* и, возможно, осет. *ælxynс* 'тж', далее – перс. گره [*gereh*], др.-инд. *granthi*- 'узел' и т. д. [ИЭСОЯ II: 51–52; ОИЯ Сред: 242]. Сопоставление пермских слов с др.-инд. *granthi* предложено в [Katz 2003: 97–98], однако нет никакой необходимости вслед за Х. Кацем предполагать здесь “доарийское” заимствование: речь, очевидно, идет о нормальном среднеиранском заимствовании из какого-то восточноиранского языка технического термина (возможно, связанного с ткачеством – ср. еще перс. گره فارسی [*gereh-i fārsi*] 'персидский узел' – обозначение специального узла “санайе”, применяемого при изготовлении ковров).

2.2. Жог

Удм. *žog* 'быстрый, скорый' ~ коми *regid* 'тж' ~ (?) венг. *rég* 'давний, давно', *rögtön* 'скоро, тотчас' < ПФУ **renjks* 'теплый, горячий' (?) [UEW: 422]. Реконструкция значения в [UEW], конечно, неверная: удм. *žog* 'жар (в бане)' следует, видимо, отделять от данных слов, и уж, во всяком случае, никак невозможно считать именно такое значение основным или первичным. Скорее всего, это слово было заимствовано в пермский и венгерский параллельно из ср.-иран.: осет. *ræxgy* 'скоро, вскоре' (< иран. *raγu-* 'быстрый' ~ др.-инд. *raghu-* 'быстрый, скорый' [ИЭСОЯ II: 388, 393]), *rag* 'ранний, рано; давно', *ragon* 'давний, древний' (< иран. **frāka-* 'вперед, завтра, рано, утром' [ИЭСОЯ II: 340–41]). Впервые сопоставление (вместе с ф. *rikevā* 'спешно', манс. *rottj* 'тут же') предложено в [Munkácsi 1901: 522–523, 531–532] (у А. Йоки и К. Реден по непонятным причинам даже не обсуждается; в [ИЭСОЯ II: 341] вслед за Б. Мункачи венгерские слова выводятся из иранского).

2.3. Зөр

Удм. *zer* 'костер (растение), овсюг' ~ коми *zer* 'овес', (диал. с прилагательными 'лошадиный' / 'собачий' / 'птичий') 'овсюг' ~ (?) морд. *suro* 'просо' [UEW: 766] ← ср.-иран.: осет. *zær(æ)* 'зелень, трава' (< ПИЕ **ǵhel-* 'зеленый' [ИЭСОЯ IV: 298–299]).

2.4. Мыж

Удм. *miž* 'требование божеством обещанной жертвы и болезнь как наказание от божества за непринесение ее, нарушение обета' ~ коми *miž* 'вина, провинность', (коми-перм.) 'болезнь, кара от божества, от предков' ~ мар. *miž*, (Г) *māž* 'болезнь' ~ хант. (Казым) *mōš* 'болезнь, вина, поломка, ошибка' и др. ~ манс. (С) *mos* 'повреждение, поломка, болезнь' и др. ~ (?) венг. -*máz* в *hagymáz* 'горячка, тиф' < ПФУ **mičz* 'болезнь' [UEW: 283]. В принципе

ничто не мешает рассматривать обско-угорские слова как ранние заимствования из пермского, в котором слово сохраняет весьма специфическое религиозное значение. По-видимому, довольно старое заимствование в области религиозно-мифологической терминологии из иранского **mīžda*- 'плата, награда, вознаграждение' (> ав. *mīžda*- 'вознаграждение', парф. *muždag* 'добрая весть, известие', хот.-сак. *mādāna* 'милосердный', осет. *myzd* 'заработная плата, вознаграждение', перс. *muzd* 'плата' и др. [ИЭСОЯ II: 145–146; ОИЯ Сред: 164, 246]) с развитием семантики: 'плата' > 'расплата перед божеством' > 'болезнь, вред, наносимый божеством'.

2.5. Укыр

Удм. *ukjir* 'очень, слишком'. Слово, кажется, не имеет параллелей в финно-угорских языках. Арийское (иранское?) заимствование: скиф. **agar* 'многий, чрезмерный, избыток' ~ осет. *ægær* 'слишком, чрезмерно, с избытком' (из осет. → чеч. *uggur*, ингуш. *eggir* 'самый, слишком') < ПАр **a-kara* 'бесконечный' [ИЭСОЯ I: 119–120].

3. Уральские и более глубокие параллели.

3.1. Возыны

Удм. *vožinj* 'держат, поддерживать, содержать' ~ коми *vižnj* 'держат, хранить, беречь' ~ эст. *viisa*- 'поджидать, следить' ~ венг. *vigyazni* 'уделять внимание, внимательно относиться, защищать, стеречь' < ПФУ **wića*- 'смотреть, глядеть' [UEW: 571]. Семантика эстонского и венгерского слов сильно отличается от пермских. От пермских слов трудно отделять манс. (С) *ōñsi*-, (Лозьва, Пелым, Конда) *āñsi*-, (Тавда) *āñčānt*- 'иметь; носить, заботиться, содержать' [Munkácsi, Kálmán 1986: 386] и, возможно, сельк. *uđsə*- 'подниматься, вставать' [Alatalo 2004: 38] ~ нган. *oand'i*- / *oansi*- 'вставать' < ПСам **āñsā*- [Janhunen 1977: 18] (если допустить значение 'поднимать' в ПСам – предположение Е. А. Хелимского). Таким образом, реконструируется ПУ **wāñčs*- 'держат, поддерживать, поднимать' (эстонское слово, очевидно, придется исключить из данного этимологического гнезда).

3.2. Керпотыны

Удм. *kerpotinj* 'стыдиться, смущаться' (*potinj* 'выходить'), *kervajinj* 'озаботиться, задуматься' (*vajinj* 'приносить'; *kervajinj* представлено, кажется, только в [Munkácsi 1896: 146]), в [КЭСК: 112] сопоставляется с удм. *keretinj* 'доводить до слез' (это значение опять-таки присутствует только в [Munkácsi 1896: 146]), 'ругаться, (шумно) ссориться' и с коми *kernj* 'испортить колдовством, навести порчу'. Думается, здесь можно по семантике выделять два разных слова: удм. *kerpotinj* 'стыдиться, смущаться', *kervajinj* 'озаботиться, задуматься', *keretinj* 'доводить до слез' < *ker* 'смущение, стыд, озабоченность, огорчение' (именная основа), отраженное также в *kereg!* 'жаль!' (с нормальным суффиксом *-eg*) [Munkácsi 1896: 146] – с одной стороны, и удм. *keretinj* 'ругаться, (шумно) ссориться' ~ коми *kernj* 'испортить колдовством, навести порчу' < ППерм **ker*- 'злиться, наносить вред (колдовством, словами)' (глагольная основа) – с другой.

Удм. *ker* 'смущение, стыд, озабоченность, огорчение' едва ли можно вывести из болгарского: чув. *χḗra* 'бояться, страшиться' (< тюрк. **qorq* 'бояться') по вокализму. Однако, к нему имеется безупречная в фонетическом и семантическом отношении параллель, хотя и довольно отдаленная: ПСам **kerz-* 'стыдиться' (> нен. *säre-*, камас. *šēr-* и др. [Janhunen 1977: 68]), и таким образом появляется возможность реконструировать ПУ **kerz-* 'стыд; стыдиться'.

ППерм **ker-* 'злиться, наносить вред (колдовством, словами)' можно сопоставлять с ф. (и др. приб.-ф.) *kiroa* 'бранить, проклинать', саам. (Норв.) *gårro* 'проклятие', которое в финской этимологической традиции [SSA I: 371] сравнивают с некоторыми из корней, представленных в гнезде: морд. *kor* 'скорбь, досада, злость', манс. (Конда) *χor-* 'спорить, браниться, проклинать', хант. (Обд.) *χorət* 'злиться, озлобляться', венг. *harag* 'гнев, злоба' < ПФУ **kurz* 'гнев, гневаться' [UEW: 220]). ППерм и приб.-ф.-саам. слова отличаются от рефлексов ПФУ **kurz* 'гнев, гневаться' по вокализму, для пермских можно предположить сдвиг вокализма вследствие контаминации с реконструируемым здесь ПУ **kerz-* 'стыд; стыдиться'.

3.3. Зор

Удм. *zor* 'дождь' ~ коми *zer* 'тж' < ППерм **zer* 'дождь' [КЭСК: 108]. Слову до сих пор не обнаружено надежных пермских параллелей (предлагаемое в [КЭСК: 108] сопоставление с нен. *capë* 'дождь' абсолютно неприемлемо). Возможно – старое арийское заимствование – ср. др.-инд. *sirī-* 'ливень', *sirā* 'река, поток' [Katz 2003: 65], что, однако, вызывает некоторые сомнения фонетического, семантического и исторического порядка. Ср. юкаг. (Т) *erimz* 'снег', которое может восходить к ПЮ **θer-* < **ser-* [Николаева 1988а: 259; Николаева 1988б: 83, 86] < ПЮУ **serz* 'дождь, снег'?

3.4. Туно-пелё

Второй компонент удм. *tuno-pelo* 'колдун, ворожей' едва ли обязательно связывать с *pel* 'ухо' (*pelo* 'имеющий уши, слышащий' – ?) или *pellani* 'дуть, заговаривать (болезнь)', скорее его следует сопоставлять с коми *pel* 'дед, (почтенный) старик' < ППерм **pōl* 'дед' ~ мар. *pōlō* 'мужской род' (если последнее слово – не фикция) [КЭСК: 228]. Ср. далее юкаг. (К) *pulut*, (Т) *pōlur* 'старик' (у И. А. Николаевой под знаком вопроса сопоставляется с ПУ **pälä* 'половина', что, думается, семантически не оправдано) [Николаева 1988: 276] < ПЮУ **pōl'z* '(почтенный) старик'?

3.5. Ужаны

Удм. *už* 'работа, труд', *užani* 'работать' ~ коми *už*, *užavni* 'тж' < ППерм **už* 'работа', **už-al-* 'работать', без внешних параллелей. Ср., однако: сельк. *ūcə-* 'выполнять ручную работу, трудиться, работать' [Alatalo 2004: 30] < ПУ **učz-* 'работать, делать'. Далее ср. юкаг. (К) *uši-*, *učil* 'работник, слуга' ~ ?? (Т) *ūse-* 'отвезти, отнести; трогать, касаться; беспокоить' (материал см.: [Апгере 1957: 248; Курилов 2001: 493]). Правда, (Т) -s- вряд ли возводимо с доюкагирскому *č, [Николаева 1988б: 83], и оба слова могут быть просто deriva-

тами юкаг. (К) *ū- / uj-* 'делать, изготавливать, работать' с суффиксом переходных глаголов (К) *-ši-* [Nikolaeva, Mayer].

3.6. Шодыны

Удм. *šedini* 'чувствовать, догадываться' (явно связано с *še* 'чувство, предчувствие') ~ коми *šod: as šodjen* 'свободно, без напряжения, не спеша' ~ мар. *šundaš* 'отстояться, устояться' [КЭСК: 320]. Марийское слово едва ли сюда относится – как по фонетическим, так и по семантическим критериям. В свое время я в связи с этимологией коми *ševa* 'порча, икота' предлагал выводить данные удм. слова от ППерм **šó(j) / *šú(j)* 'голос, звук, знак, ощущение' [Напольских 1999], однако, вероятнее следует разделять значения 'голос, звук' и 'чувство, ощущение' в данном этимоне. Удм. *še, šedini* 'чувствовать, догадываться' и коми *šod* в *as šodjen* можно сопоставить с юкаг. (К) *lej-dī-*, (Т) *lej-rī-* 'знать'. И. А. Николаева сравнивала их с ПФУ **lewδä-* 'находить' [UEW: 247], имея в виду ПЮ **lej-* [Николаева 1988а: 231], но юкагирские формы позволяют реконструировать и ПЮ **θej-*, что вполне сопоставимо (если предполагать, что ПЮУ **š* развивалось в юкагирском так же, как **s* – см. [Николаева 1988б: 83–84]) с **šó-* 'чувство, понятие; чувствовать, догадываться, понимать' < ПЮУ **< *šej-* 'знать, предчувствовать, понимать'?

Список сокращений

ав. – авестийский, аккад. – аккадский, алт. – алтайский, араб. – арабский, башк. – башкирский, бес. – бесермянское наречие удмуртского языка, булг. – болгарский, бурят. – бурятский, вахан. – ваханский, венг. – венгерский, вост.-иран. – восточно-иранский, др.-инд. – древнеиндийский, ингуш. – ингушский, иран. – иранский, итал. – итальянский, ишкаш. – ишкашимский, казах. – казахский, камас. – камасинский, караим. – караимский, карак. – каракалпакский, карач. – карачаевский, коми-перм. – коми-пермяцкий, кыпчак. – кыпчакский, малм.-урж. – малмыжско-уржумский (шошминский) диалект удмуртского языка, манс. – мансийский (С – северный, Северная Сосьва), мар. – марийский (Г – горномарийский), мо. – монгольский, морд. – мордовский, нган. – нганасанский, нен. – ненецкий, ново-уйг. – новоуйгурский, осет. – осетинский (иронский по умолчанию), ПАр – праарийский (праиндо-иранский), парф. – парфянский, пер.-ю. – периферийно-южные говоры удмуртского языка, перс. – персидский, ПИЕ – праиндоевропейский, ППерм – прапермский, приб.-ф. – прибалтийско-финский, ПСам – прасамодийский, ПУ – прауральский, ПФУ – прафинно-угорский, ПЮ – праюкагирский, ПЮУ – праюкаги́ро-уральский, рус. – русский, руш. – рушанский, саам. – саамский (Норв. – норвежский саамский), сангл. – сангличский, сев. – северное наречие удмуртского языка, сельк. – селькупский, скиф. – скифский, согд. – согдийский, сойот. – сойотский, сред. – срединные говоры удмуртского языка, ср. – иран. – среднеиранский, ст.-тат. – старотатарский, тадж. – таджикский, тат. – татарский, телеут. – телеутский, туркм. – туркменский, тю. – (обще)поркский, удм. – удмуртский, ф. – финский, хант. – хантыйский (Обд. – обдорский диалект), хот.-сак. – хотаносакский, хуф. – хуфский, чеч. – чеченский, чув. – чувашский, шугн. – шугнанский, эвен. – эвенский, эвенк. – эвенкийский, эст. – эстонский, юкаг. – юкагирский (К – колымский, Т – тундровый), якут. – якутский.

Рисунок

Вавилонское изображение *Ламашту* (фрагмент бронзового амулета кон. VII – первой половины VI вв. до н. э.). *Ламашту* находится в нижнем (водном) мире, в окружении других демонов, держит в руках двухголовых змей, к ее грудям присосались собака и свинья, всё ее тело покрыто шерстью, голова – львиная, ноги в виде птичьих когтей. Режим доступа: [<http://www.monstropedia.org/index.php?title=Lamashtu>].

Список литературы

Алатырев В. И. 1988. Этимологический словарь удмуртского языка. Буквы А–Б. Ред. В. М. Вахрушев, С. В. Соколов. Ижевск.

Ассирийцы – Матвеев А. К., Матвеев К. П. История и этнография ассирийцев / Материалы к серии "Народы Советского Союза". Вып. 1. Ассирийцы. М., 1990.

Ахметьянов Р. Г. 1981. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.

Ашмарин I–XVII – Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Тома 1–17. Казань – Чебоксары, 1928–1950 (второе, репринтное издание: Чебоксары, 1994–2000).

Борисов Т. К. 1991. Удмурт кышлокам. Ижевск.

Ватка но Калмез – Ватка но Калмез. Удмурт калык легендаос но преданиос / Дасязы Н. П. Кралина, П. К. Поздеев. Ижевск, 1971.

Верецагин Г. Е. 1886. Вотяки Сосновского края / Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Том 14. вып. 2. СПб.

Верецагин Г. Е. 1889. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Том 14. вып. 3. СПб.

ГТРАС – Махмутов М. И., Хамзин К. З., Сэйфуллин Г. Ш. Гарэпчэ-татарчарусча алынмалар сүзлеге (татар әдәбиятында кулланылган гарәп һәм фарсы сүзләре). Т. 1–2. Казан.

ИД – Идегэй дастаны. Режим доступа: [<http://tatarca.boom.ru>].

ИЭСОЯ I–V – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1–5. М. – Л., 1958–1995.

Йеттмар К. 1986. Религии Гиндукуша. М.

Климов Г. А., Эдельман Д. И. 1979. К этимологии *Albasty / Almasty* // Советская тюркология, 3. Баку.

Курилов Г. Н. 2001. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск.

КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологически словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.

Напольских В. В. 1997. Из удмуртской мифологии: этимологические этюды // Пермистика 4. Ред. Кельмаков В. К. и др. Ижевск.

Напольских В. В. 1999. Этимология коми *шева* // *Linguistica Uralica*. Tallinn. № 1 (XXXV).

Николаева И. А. 1988а. Проблема урало-юкагирских генетических связей. Дис. ... канд. филол. наук (рукопись). М.

Николаева И. А. 1988б. О соответствиях уральских аффрикат и сибилантов в юкагирском языке // Советское финно-угроведение. Таллин. Т. 24. № 2 (XXIV).

ОИЯ Сред – Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981.

Попова Е. В. 2004. Календарные обряды бесермян. Ижевск.

Потанин Г. Н. 1884. У вотяков Елабужского уезда // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. 3 (1880–1882). Казань.

СЛПТ – Сказки и легенды горных таджиков / Сост., пер., коммент. А. З. Розенфельд, Н. П. Рычкова. М., 1990.

Стеблин-Каменский И. М. 1999. Этимологический словарь ваханского языка. СПб.

УРС – Удмуртско-русский словарь / Ред. В. М. Вахрушев. М., 1983.

Федотов М. Р. I–II. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. Чебоксары, 1996.

Фоссе Ш. 2001. Ассирийская магия. Систематическое исследование магических текстов / Пер. Санина В. Л., Емельянова В. В. Ред. Емельянов В. В. СПб.

Хиц В. 1977. Государство Элам / Пер. Л. Л. Шохиной. М.

ЭСИЯ I – Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1. М., 2000.

Alatalo J. 2004. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Hrsg. von Jarmo Alatalo / Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 30. Helsinki.

Angere J. 1957. Jukagirisch-deutsches Wörterbuch. Zusammengestellt auf Grund der Texte von W. Jochelson. Wiesbaden.

Csius S. 1990. Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen / Bibliotheca uralica, 10. Budapest.

Dörfer TME I–III – Dörfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd. 1–3. Wiesbaden, 1963–1967.

Edige – Edige. A Karakalpak oral epic as performed by Jumabay Bazarov. Ed. and transl. by Karl Reichl / Folklore fellows' communications, 141, No. 293. Helsinki, 2007.

Janhunen J. 1977. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien / Castrenianumin toimitteita, 17. Helsinki.

Katz H. u. a. 2003. Studien zu den älteren indoiranischen Lehnwörter in den uralischen Sprachen. München.

Keel O. 1972. Die Welt der Altorientalischen Bildsymbolik und das Alte Testament. Am Beispiel der Psalmen. Köln, 1972.

Munkácsi B. 1896. A votják nyelv szótára. Budapest.

Munkácsi B. 1901. Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. Budapest.

Munkácsi B., Kálmán B. 1986. Wogulisches Wörterbuch. Budapest.

Nikolaeva I., Mayer Th. Yukaghir-English dictionary. Режим доступа: [http://ling.uni-konstanz.de/pages/home/nikolaeva/documentation]

Schiltberger H. J. 2000. Schiltbergers Irrfahrt durch den Orient: der aussehenerregende Bericht einer Reise, die 1394 begann und erst nach über 30 Jahren ein Ende fand. Übertr. und hrsg. von Markus Tremmel. Taufkirchen.

SSA I–III – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. N. 1–3. Toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen ja m. Helsinki, 2001.

VEWT – Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen / Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 17:1. Helsinki, 1969.

Wichmann Y. 1903. Die Tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen / Mémoir de la Société Finno-Ougrienne, 21. Helsinki.

Wichmann Y. 1987. Wotjakischer Wortschatz / Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 21. Helsinki, 1987.

UEW – K. Rédei. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1988.